

рассказ

Укокошенный Киш

68

Посвящается Роману Солнцеву

Что за замечательные часы подарил мне к моему двадцатитрёхлетию мой друг Ромаша. Они настолько замечательные часы, что я их смело вставляю в этот рассказ.

Вот они. Позолоченные и походят на золотые, они показывают день, час, минуту и секунду. Они называются «Восход», а на тыльной стороне имеют гравировку. И знаете, что там выгравировано? Не знаете и не узнаете никогда, потому что я этого никогда не расскажу, а также потому, что эти часы с меня недавно сняли.

И вот надо же – такие замечательные часы с меня недавно сняли. Сняли начисто, а сейчас ещё хотят с работы, что ли, увольнять. Не знаю. А впрочем, не буду забегать вперёд, читайте сами, как было дело.

По служебным надобностям я, пока ещё совсем почти молодой специалист, закончивший Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, попал путешествовать в промышленные города и посёлки заполярной тундры и лесотундры Кольского полуострова со своим начальником.

И попал я в город, который назову условной буквой X, чтобы его никто не узнал.

Прекрасен город X!

Он славен своими никелевыми рудниками! До сих пор вспоминаю его с большим удовольствием! Что за дивный город вырос в заполярной тундре Кольского полуострова! Его надо было бы

тоже назвать Дивногорском! Пускай бы было в Советском Союзе два Дивногорска! Разве это плохо?!

Дома с башенками, дома строгих и нестрогих линий, с выдумкой, изюминкой и прочим всем. Архитектурно-стилевое единство города проявляется в каждом его доме, улице и кирпиче. Фонтаны есть. Статуя оленя. Вот какой город – город X!

Впрочем, нам с начальником довольно некогда было любоваться архитектурно-мемориальными красотами заполярного красавца. Мы приехали по важнейшей служебной надобности и весь день просиживали в приёмных различных начальников, а также были на заседании, где рассматривали какие-то чертежи, развешенные на стене.

После окончания дня мы отправились прямо в двухместный номер гостиницы горкоммунхоза и там от усталости буквально падали с начальником с ног в свои деревянные кровати и засыпали там до утра сном много и хорошо поработавших мужчин.

Лишь изредка у меня, как у более молодого товарища, доставало сил выйти из гостиницы и посетить кино, кафе, ресторан «Белые ночи» или клуб.

– Ага. Вот оно. Здесь начинается, – мог бы смекнуть более сведущий в житейских делах человек, чем вы, читатель. И он бы оказался совершенно прав.

Дело в том, что, действительно, в тот печальный моей жизни день, когда

с меня сняли часы, я решил было пойти посмотреть в клубе Дома металлурга новый югославский фильм, как позднее выяснилось – детектив под названием «Главная улика».

Звал я с собой, конечно, с уважением и начальника. А он взял да и отказался.

– Ты иди, – говорит, – ты – молодой. Посмотришь.

А я вижу, что он уже сейчас заснёт, и говорю:

– Ну, я пошёл.

Он же глаз раскрыл и мне очень ласково:

– Иди, иди. Ты – молодой, а я это кино уже видел. Там одна баба вроде бы кого-то убила, а может быть, и нет. В общем – придёшь расскажешь.

И точно – баба. Актёрка.

Убила, падла, молодого прекрасного замечательного певца популярных песен, который, несмотря на молодость, погряз в разврате и картёжной игре, а также пожертвовал СЕМЬ миллионов ихних югославских денег на землетрясение и его жертвы. Сам был из бедной семьи.

У него девки по квартире голые ходили, он машину, спортивный «фиат», в карты проиграл, дочку швейцара довёл до аборта, у друга украл и пел шлягер-песню, которую тот в свою очередь переделал из «Песни Сольвейг» Грига.

Ну, это я опять, как везде говорится, забежал вперёд. Что это меня всё вперёд тянет, когда нужно всё по порядку.

Вот. Пришел я в кино в клуб Дома металлурга, где я никого не знаю. Встал в фойе тихонько к стеночке и наблюдаю, как гуляют по залу парочками взволнованные девушки, чинные, медвежьего облика горняки со своими расфуфыренными супружницами, и шныряет по фойе шпана в расклешённых брюках, шпана, поглядывающая (отметьте себе это) на мои позолоченные часы, сверкающие в полутьме фойе, как моё сердце, любящее Ромашу, мне эти часы подарившего.

Тут меня кто-то по плечу хлоп. Улы-

бается. Смотрю – да это мой друг Валера, буровик, у которого я в Москве в общежитии полгода на полу без прописки графом жил. Давно мы с ним не виделись. Обнялись, расцеловались.

– Давай выпьем за встречу, – говорит Валерка.

– Давай, – говорю я, – то есть нет, – говорю я, – я, Валера, в отличие от прежних времён, сейчас почти не пью – разве что по праздникам или вот, как сейчас, за встречу.

И действительно, я там, на Кольском полуострове, совсем ничего спиртного не употреблял, да и сейчас не пью, и вообще я сразу же после института гусарить бросил. Я так понимаю, что студенты всю жизнь пьют от бедности и от неправильного, э-э-э, образа жизни, что ли.

Не пил, в общем. Тем более что там, на Кольском, там водка «Московская» петрозаводская и делается, по-моему, чёрт знает из чего. Фу, бр-р-р, бл-ю, ух, – как вспомню вкус её, запах и оттенок.

Как вспомню, что вынул через секунду после нашей встречи мой друг Валера-буровик, работающий в популярном городе X на руднике мастером буровзрывных работ, из внутреннего кармана своего прекрасно сшитого палевого добротного демисезонного пальто зеленую бутылку с надписью «Московская» и с клеймом «Петрозаводск», так у меня сразу захватывает дух, и мне хочется замены всех спиртных напитков на земле какой-либо благородной химией, или хочется предупредить неопытных: «Граждане! Будьте благоразумны! Не пейте петрозаводскую водку!», или сказать: «Петрозаводские! Будьте тоже людьми! Делайте водку, как её делали всегда порядочные люди!»

Да! Видите, какие я тогда испытал ощущения, если даже сейчас так разволновался.

А в общем-то всё было просто. До начала сеанса оставалось двадцать минут. После слов Валеры «Давай выпьем за встречу» мы пошли в буфет, где тихо выпили за встречу пол-литру водки и шесть бутылок пива, тихо раз-

говаривая о жизни: Валера сказал, что он получает двести пятьдесят шесть рублей, считая и десять процентов полярных надбавок, которые он заслужил себе за полгода. Я же сказал, что получаю сто тридцать рублей и ничего не боюсь, чему доказательством мои часы. От часов Валера пришёл в восторг (отметьте себе это), и он, захлопав в ладоши, сказал, что с аванса купит себе такие же, если будут к тому времени в магазине.

Потом мы плавно перешли в кинозал, и вот мы сидим уже в кинозале клуба Дома металлурга и смотрим кино, взявшись за руки крест-накрест.

– Убит певец Алекс Киш! – говорят с экрана.

– Киш – сын Солнца, – говорю я.

– Киш? Это ты врёшь. Киш – это Коэффициент Исползования Шпура, – говорит Валера. – Киш – это просто. Буришь шпур. В шпур – динамит. Поджигашь шпур. Пш-бум-бам. Хоре. Собирай руду, плавь с неё металл.

– Киш – сын Киша. Киш – Кыш.

Вот ведь, пропала! Неужели же она его убьёт?

– Я в ВВС работаю. Буровзрывная служба. Нам как спецодежду лайковые перчатки дают, шпуры заряжать.

А на экране всё идет своим чередом. Ищут два следователя, один в клетчатой кепке, кто Киша-певца уколошил.

Думали сначала, что адвокат. Тот, вроде, всё кругом на личной машине крутился, а потом думали на того дурака, что Сольвейг переделал, а Киш украл, а потом запутались – смотрят, что то не то. Ничего им не понятно, а понятно, что тот, кто Киша уколошил, болел малярией. Ищут, значит, кто болеет малярией, а кто, спрашивается, может сейчас болеть малярией, когда она как болезнь почти канула в прошлое?

– А где ваши ребята? – спрашивает Валера. – Где Мороз, где Длинный?

– Боб с Морозом в Красноярск распределились. Чуть коньки не отбросили. Там зима знаешь какая была – тридцать, сорок, пятьдесят. В пальтишках

лазили на работу. Мороз плеврит схлопотал.

– А сейчас где, слиняли, что ли?

– Оба слиняли, Мороз – в Москву, Длинный – в Баку.

– А Якут что, где?

– Где Якут. Известное дело, где Якут, в Якутии. Письмо получил. Он – начальник партии. Он пока не надерётся, с него толк есть.

– А Тришка?

– В ящике.

– В Казахстане?

– А фиг его знает где.

– А этот, рыжий?

– Какой рыжий?

– Ну тот, что носки сушил.

– А, тот, тот – старший научный сотрудник.

А тут-то и оказалось, что следователь заметил у одной актёрки какую-то баночку на старинном рояле. А другой следователь не заметил. Тогда они пришли к ней в квартиру, когда её душил муж-адвокат, которого раньше подозревали в убийстве. В баночке оказалось лекарство от малярии. Актёрка сидела почти совсем голая. Они её и арестовали. Малярией болела актёрка, и на руке её был свеж ещё порез от ножа, которым она уколошила Киша. Актёрка – его бывшая, старше его на восемь лет любовница – пришибла пацана из ревности к его другим любовницам. Поймали её, а тут и другие тоже плачут там, кто голые, кто полуголые – певицы, модельерши – всех хватает.

И в зале ещё не зажгли свет, но зрители уже стояли, стоя приветствуя замечательную игру актёров, имена которых замелькали на экране.

Стоя приветствовали, одновременно увлекаемые неведомой силой к выходу.

Так и уходили, влекомые, повернув голову к экрану, где мелькало на красно-зелёно-голубом фоне «Жан, Джорди, Беата».

Причём табачный дым поднимался уже, как ни странно, к потолку и, как ни странно, виден был, несмотря на темноту.

Зажёгся свет. Тут все себя стали вести по-разному, поскольку находились в различных состояниях.

Подростки, пробираясь бочком около стенок, злобно распахивали зрителей, отправляясь и спеша неизвестно куда.

Девочки, парно взявшись паровозиком, трогали друг друга за грудь через подмышки.

Мужики смотрели друг на друга, связанные круговой порукой, одуревшие были их лица от голых и полуголых, а жёны их беседовали исключительно друг с другом, но неизвестно о чём.

Старички и старушки шли, сохраняя умильное выражение лица и как бы окончательно утратив видимые глаза принадлежности своего пола.

Девушки не сопротивлялись больше жманью весёлых кавалеров в хорошей одежде.

И какая-то женщина выбежала на середину, остановив поток, увлекаемый к двери неведомой силой, и крикнула, подняв правую руку, а обращаясь, по-видимому, к подругам:

– Представьте себе. Я не устаю видеть этот фильм. Я видела это несколько раз и не устаю видеть.

И ещё какой-то сидел в ложе старого клуба, где кресла обтянуты старым подновлённым синим бархатом, и строго смотрел в опустевший белый экран, какой-то с усиками и чёрными бакенбардами, в железнодорожной форменной фуражке, – важный, величественный, неприступный.

А когда уже притушили свет, то оказалось, что всем в общем-то на это дело, на убитого Киша начихать. Все, довольные и возбужденные, стеклись к выходу, оставляя нас с Валерой одних, плачущих, сидящих.

Но не всё же нам сидеть, плакать.

– Давай выпьем ещё, что ли, – говорит Валера, – за упокой души Коэффициента Исползования Шпура.

– Ты не понимаешь, старик, – заявил я, – ведь этот фильм нечто большее, чем обычный банальный детектив. Он бичует возвеличивание идолов из

молодежи. Он показывает, как слава приводит их к падению и печальному концу, бичует их распутный образ жизни.

– В «Белой ночи» и выпьем, – решает Валерка.

– А тебе в смену когда завтра?

– Завтра. Шахта, – отвечает Валера. – В... в пять пятьдесят вечера, третья смена. Понял?

– Понял, – слезливо отвечаю я, – но не могу. Извини. Завтра утром – в рудоуправление. Я в НИИ. У нас это строго. Пить – ни-ни. НИИ.

Ну, а впрочем-то, конечно, в «Белую ночь» и ещё куда-то, где через соломинку и прочие безобразия: помню только – полосатенькая такая юбка чья-то и негр браслетами тряс, ручными. Звали, вроде бы, Мгези, а может, и нет, а может, и не негр вовсе, и не юбка. А в общем-то – это всё не так уж и важно, где, что и как. Я вот думаю, что, может быть, даже не играет роли и описание просмотренного мною фильма про Киша.

Важно, что сняли тогда, в тот же день, с меня мои замечательные подаренные часы.

А так как рассказ этот не просто рассказ, а детективный, называется детективным, то вот и догадайтесь – кто? Кто снял мои часы с меня?

Помните, я велел вам отметить себе шпану в клёшах?

Так вот – она – нет.

Она бы, может, и могла, но в Заполярье летом, как известно, летом ночью день. Всё светло. Мы шли из тёмного пустого кинозала клуба Дома металлурга в «Белую ночь» в 23 часа 30 минут местного времени, а на нас солнце с неба светило. Нет, снять часы шпане летом в Заполярье очень трудно.

Детектив есть детектив. В нём всё может и должно быть. Уж не друг ли Валера, пригретый мной на груди, подло снял. Ведь он тоже отмечен (его глаза заблестели, увидев мои часы).

Да нет! Что вы! Как можно! Помилуйте! Валера? Снять?

Полгода жил я у него графом в общежитии, и мы ели картошку из одной алюминиевой сковородки двумя алюминиевыми вилками, украденными в столовой Дорогомиловского студгородка г. Москвы. Да к тому же он получает сто шестьдесят плюс районный коэффициент один и пять плюс десять процентов полярки. Какое уж там красть, снимать часы у друга!

Теперь все торжествуйте!

Остается самое нелогичное, как это может и должно быть в детективе, потому что в детективе может быть всё.

Часы с меня снял МОЙ НАЧАЛЬНИК!!!

Торжествуйте, ибо в детективе может и должно быть всё. Часы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СНЯЛ С МЕНЯ МОЙ НАЧАЛЬНИК УСАТОВ Ю. М.** Снял с меня Юрий Михайлович также плащ, пиджак, рубашку и ботинки. Носки и брюки оставил. В носках и брюках он положил меня

спать на деревянную кровать, когда я белой заполярной Кольской ночью ворвался к нам в номер гостиницы городского коммунального хозяйства и, хохоча и плача, рассказал ему про Киша, Валеру, Петрозаводск, негра Мгези, работу, шуры, МГРИ, а также хотел мыться в ванне.

Вот. Снял с меня часы, а теперь говорит (сказал утром), что уважает меня как молодого специалиста, и что, дескать, это на первый раз, и всякое другое такое, что смотри-де я, что если так себя буду иногда вести, то как бы мне в один прекрасный день не распрощаться с нашим золотым замечательным НИИ, который послал меня в командировку на Кольский, платя командировочные, квартирные и сохраняя по месту работы заработную плату.

Вот так Киш. Вот так Валера. Спасибо! Удружили!

А я торжественно при всех заявляю, что больше так не буду.

